

УДК 784.4(=511.131)

И. М. Нуриева

**ПЕСНИ И СКАЗЫ УШЕДШИХ ЭПОХ...
ОПЫТ МИКРОЛОКАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Статья посвящена изучению книги М. Г. Атаманова «Песни и сказы ушедших эпох», при этом основное внимание уделено анализу песен, исполняемых самим автором. М. Г. Атаманов классифицирует песни по функциональному признаку, группируя их на обрядовые (песни гостевого этикета, свадебные, рекрутские) и необрядовые (песни-думки, хороводные, песни уличных гуляний молодежи). Из предложенной автором жанровой системы были выделены и проанализированы так называемые «именные песни», песни-импровизации, а также напевы свадебного цикла *сюан / бõрысь гур*.

Ключевые слова: локальная традиция, свадебная песня, М. Г. Атаманов, этномузыковедение, «именные» песни, импровизации, обрядовые и лирические песни.

Михаил Гаврилович Атаманов – яркая фигура в удмуртской лингвистике и этнологии. Его перу принадлежат несколько монографий и множество статей. Открытия ученого в области микроэтноимики, в частности, в выявлении воршудно-родовых групп с последующим картографированием их названий, сыграли концептуальную роль в исследованиях этномузыковедов, использовавших карты воршудных расселений в своих этномузыкологических штудиях. В свою очередь, М. Г. Атаманов тоже активно интересуется песенным фольклором: наш юбиляр замечательно поет; он обладатель мягкого бархатного баритона; у него замечательная музыкальная память, которой могут позавидовать и профессионалы.

Мне посчастливилось соучаствовать в создании книги «Песни и сказы ушедших эпох. Эгра кырза, Эгра вера» (Ижевск: Удмуртия, 2005. 248 с.), в которой я нотировала совместно с моей дорогой коллегой Риммой Аркадьевной Чураковой народные песни, спетые Михаилом Гавриловичем. Но прежде представлю читателям эту книгу, несколько выделяющуюся в ряду его монографий. «Песни и сказы...» – это книга-посвящение, книга-память, появление которой не было неожиданным, несмотря на «непрофилирующее» направление. Она полностью посвящена небольшому населенному пункту, расположенному на самой южной

окраине Удмуртии, где родился и вырос будущий ученый – древнейшему поселению Вуж Эгра (Старая Игра Граховского района УР). В книге описываются исторические вехи этого скромного населенного пункта, приведены исторические документы о деревне (например сведения Ландратской переписи за 1710–1716 гг.). Отдельная глава посвящена фольклорным жанрам (песням, загадкам, пословицам и поговоркам), она сопровождается фольклорно-этнографическими текстами, в равной мере полезными и для фольклористов, и для лингвистов. Последующие два раздела очень подробно (все же писал лингвист!) повествуют об особенностях микропонимки и говора деревни Старая Игра. В конце приводится словарь диалектной лексики. В итоге читателю предстало своеобразное эпическое полотно с описанием традиционной жизни и языка жителей деревни Вуж Эгра. Возможно, для научной чистоты эксперимента территорию исследования следовало бы расширить, привлечь соседние удмуртские деревни, издавна контактирующие с Вуж Эгрой. Но это была бы совсем другая книга.

Каждый из удмуртских ученых, исследующих ту или иную научную дисциплину, осознанно или неосознанно (на генетическом уровне) отталкивается от своей локальной традиции как своеобразного эталона, или лакмусовой бумажки, которойверяются особенности другого диалекта. Таким эталоном была и остается для М. Г. Атаманова родная деревня, или, как он ее возвышенно назвал «Земля обетованная». Уже первые слова его книги дают нам понять, какой силы любовь к родной земле движет автором: «Господь сподобил меня здесь родиться, если будет Его воля, здесь и покоиться. Нет уже здесь родного очага, но мое сердце, мои думы, красивые воспоминания тысячами невидимых нитей связаны с родной деревней Эгра, утопающей в зелени садов, со звенящими родниками, тихо журчащей речушкой Улёк, орешниковой горой Тульгельди» [1. С. 5].

На сегодня это исследование Атаманова – единственная подобного рода книга, детально освещающая исторические, фольклорные и языковые особенности одного населенного пункта. Этим она и привлекает внимание ученых разных специальностей. Разумеется, песенному разделу пристальное внимание уделили этномузыковеды. Особенность издания заключается еще и в том, что все напевы исполнил сам автор – Михаил Гаврилович Атаманов, болеющий душой за сохранность древних напевов и стремящийся запечатлеть их для потомков.

Раздел весьма репрезентативен: он включает в себя 37 номеров, что для одного населенного пункта – цифра солидная. Раздел предваряется небольшим введением, или предисловием, в свободной форме повествующим не только о староигринских песнях, но и о трагических судьбах людей, о ярких самобытных деревенских обрядах и праздниках, сохранившихся в воспоминаниях. Через описание песенного общения в кругу семьи, деревенской общины (вокально-интонируемой коммуникации, как сказали бы социологи) М. Г. Атаманов с большой теплотой рассказывает о своих родителях, о дальней родственнице Оксинье апай. Интересно, что автор неоднократно находит любопытные аналогии, сравнивая их общение через песню с оперой: «...песен сколько спели?! Все

старинные. Целые куплеты сами придумывали и тут же экспромтом пропевали. Все думы, мысли выражали вмиг придуманными словами по знакомой мелодии. Такая традиция была жива до 80-х гг. XX в. – песни-импровизации. Через пение не только хвалили, благодарили, но мастера пения могли даже и ругаться. Чем не опера?» [1. С. 44]. Эта цитата важна еще и тем, что в ней приводятся примеры импровизированного пения в южноудмуртской традиции, пока мало исследованной по сравнению с северноудмуртской. В самом сборнике песен автор публикует текст с так называемыми припевными словами и комментариями: «Слова этих двух строк [*кайдой занй кайосы / ой, занй но кайосы*. – И. Н.] ныне непонятны для перевода; встречались и в других песнях, с другой мелодией» [1. С. 56]. Именно эта лексика распространена в северноудмуртских вокальных импровизациях – *крэзях*, чем еще раз подтверждается более широкий ареал пения на оноματοпоэтическую лексику в недавнем прошлом.

Принцип расположения материала в сборнике – функциональный: открывают его песни гостевого этикета (застольные, благодарственные, песни пробуждения гостей, песни угощения молодых гостей), свадебные, рекрутские. Второй, более поздний пласт – это лирические песни (обозначенные автором как песни-думки), а также колыбельные, хороводные, песни уличных гуляний. И опять взгляд этномузыковеда выхватывает из привычного круга южноудмуртских песен малоисследованный жанр, с легкой руки Кузубая Герда названный именными песнями. В развернутых комментариях, которые автор назвал «краткими», описывается контекст исполнения именных песен и объясняется появление названий *Оксинья апайлэн; пересь чужапелэн; Тока Зоя апайлэн; Богей Катя апайлэн; Имат Лизалэн гурьёсыз* (напевы тети Ксении; маминой старшей сестры; тети Зои, дочери Тока; тети Кати Богеевой; Елизаветы Иматовой), что чрезвычайно актуально для изучения этого явления в удмуртской культуре. Так, комментируя лирическую песню, записанную от Игнатия Михайловича Воронцова, «*Питырэс, котырэс*», автор пишет: «Любой староигринец, кому за 60 лет, услышав слова «*питырэс, котырэс*», заулыбается и скажет: «*Натэйлэн (Игнатлэн) гурез*». Действительно, ни один праздник не оставался, чтобы он не запевал эту мелодию – она «привозная»: в годы войны отрока Игнатия с друзьями отправили в Ижевск учиться в ФЗО. Здесь он освоил мелодию удмуртов, живущих в Ижевске, и до сих пор поет» [1. С. 114]. По мнению М. Г. Атаманова, названия песен – это своеобразные паспорта: «эту песню, например, любил петь тот-то и тот-то, а эту... У каждого человека, естественно, есть любимые мелодии и набор куплетов. В выборе мелодии и слов к ней отражаются жизнь и судьба, возраст человека» [1. С. 47].

Описания жанровой системы, музыкального и поэтического стиля исполненных им песен раскрывают нам Михаила Гавриловича и как тонкого аналитика-музыканта. Он подмечает самые характерные стилевые черты микролокальной традиции, вписывая ее в большое пространство Волго-Камья с присущими для него политекстовыми напевами и особенностями мелодики.

Расшифровывая в свое время песни Старой Игры, мы обратили внимание на свадебные песни *сюан* и *бёрысь гур* (свадебные песни, исполняемые родственниками жениха и невесты). Этот обрядовый пласт, к великому сожалению,

постепенно вымывается из традиционной среды. В нашей экспедиционной практике не раз приходилось сталкиваться с тем, что кто-то мог спеть только *бõрысь гур*. Как правило, все исполнители единодушно признавали трудность исполнения свадебного напева *сюан гур*, как очень сложного по манере исполнения – тягучего, протяженного. Напротив, *бõрысь гур* петь легче: он быстрее вспоминается, легче пропеваётся. Контекст исполнения также разнится. Поезжане со стороны жениха ведут себя с достоинством, чинно. Свой свадебный напев *сюан гур* они поют, стоя в кругу или сидя. Родственники же невесты держатся бойко, даже вызывающе. Напев родственников невесты *бõрысь гур* могли петь стоя, даже поднявшись на лавки, «грозясь» в песенных текстах проломить пол и вытащить бочку выдержанного вина. Во время пения шумят, громко топают, звенят колокольчиками, бренчат печными заслонками.

В стилевом отношении южноудмуртские напевы *сюан гур* тоже отличаются от свадебных напевов родственников невесты *бõрысь гур*. Последние относятся к более позднему стилевому пласту: имеют широкий звуковой диапазон, расширенную форму композиции (двустрочная с повтором второй мелостроки А В В), с появлением побочной опоры. Напевы группы *сюан* относятся к более архаичному пласту, что улавливается и на слух, и визуально (по нотировкам): они узкообъемны (чаще всего состоят из трех звуков), для них более характерна однострочная строфа повторного строения А А (А). В ритмическом строении отчетливо проявляется тенденция к формульности; при этом структура большинства ритмических формул часто основывается на ямбической или бакхической последовательности музыкальных времен.

Как показывает практика, именно свадебные песни группы *сюан* особенно уязвимы, возможно, в силу исполнительских возможностей и стилистических трудностей. Далеко не все информанты могут спеть свадебный напев *сюан гур*. М. Г. Атаманов же вспомнил и спел оба напева. Но живя вне традиции более тридцати лет, не участвуя в свадебных обрядах, которые закрепляют в музыкальной памяти музыкальные символы-напевы двух сторон, могло произойти (и произошло) их смешение. Таким образом, древний свадебный напев родственников жениха *сюан гур* был обозначен в книге как напев родственников невесты, а более поздний в стилевом отношении и более легкий по исполнительской манере *бõрысь гур* – как напев родственников жениха.

Приведенные в сборнике примеры вписываются в общестилевые параметры южноудмуртских свадебных песен. Именно ритмически витиеватый напев жениха *сюан гур*, по словам М. Г. Атаманова, отличается «протяжностью и заунывностью» – чертами звукоидеала, сложными для исполнительской практики [1. С. 64]. Все стилевые черты напева свидетельствуют о глубокой архаике, что связывает его с руническими песнями прибалтийских финнов, свадебными причитаниями мордвы: однострочная форма, трехзвучный объем с постоянным возвращением к нижней опоре.

И, напротив, напев родственников невесты *бõрысь гур* пропеваётся в ритмически «облегченном» виде, состоит из двух строк с повтором второй, в конце первой строки появляется побочная (вторая) опора как знак более позднего стилевых пласта [1. С. 62].

Сюан гур. Свадебный напев родственников жениха

♩=104

сэз' - сэз' гы-но ка - рне' - кэ(й) пээ' - пээ' ка - рне' -жэ(й)

тыр гы - нэ но то - лээ' - лэ - н тыр но(й) ды - рыз кад'

тыр гы - нэ но то - лээ' - лэ - н тыр но(й) ды - рыз кад'

Бöрьсь гур. Свадебный напев родственников невесты

♩=116

сэз' - сэз' гы - нэ ка - рне' - кэ(й) пээ' - пээ' ка - рне' -жэ(й)

э - н ё'о - тне' - кэ та эў - и'и'а...а ой ка - лык - лы

э - н ё'о - тне' - кэ та эў - и'и'а...а ой ка - лык - лы

Книгу М. Г. Атаманова «Песни и сказы ушедших эпох...» нельзя отнести к строго научному жанру, это – искренняя исповедь души, размышления о судьбах традиционной культуры, музыкального искусства, его замысловатых путях и перспективах. И очень важно, что песни, звучавшие в этой местности, не потеряются теперь в бесконечном потоке времени...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Атаманов-Эграпи М. Г.* Песни и сказы ушедших эпох. Эгра кырза, Эгра вера. Ижевск: Удмуртия, 2005. 248 с.

Поступила в редакцию 17.11.2015

I. M. Nurieva

The Songs and Stories of the Past... The Microlocal Research Experience

The article presents the study of the book “The Songs and Stories of the Past” by M. G. Atamanov, focusing on the analysis of the songs performed by the author. M. G. Ata-

manov classifies songs on a functional basis, grouping them into ritual songs (guest etiquette, wedding and recruiting songs) and nonritual songs (lyric songs, round-dance songs and songs performed by the youth during street festivities). The study also analyses the so-called “personalized songs”, songs-improvisations and wedding tunes published in the book.

Keywords: local tradition, wedding song, M. G. Atamanov, ethnomusicology, personalized songs, improvisations, ritual and lyric songs.

Нуриева Ирина Муртазовна,

доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: nurieva-59@mail.ru

Nurieva Irina Murtazovna,

Doctor of Arts, Leading Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: nurieva-59@mail.ru